

БЕСЕДЫ С ГЕРОЯМИ
СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ

**Вероника Александровна Пономарёва-
Коржевская**
Эдуард Владиславович Бояков
**Русский код. Беседы с героями
современной культуры**
Серия «Русское пространство»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68949141

Э. В. Бояков. В. А. Пономарёва-Коржевская. Русский код. Беседы с героями современной культуры: АНО Центр «Никея»; Москва; 2022

ISBN 978-5-907628-92-2

Аннотация

Русский культурный код – загадка, как и понятие «русская душа», разгадать которую пыталось не одно поколение. Сегодня перед российским обществом встает кризисный вызов культурной самоидентификации, передачи эстетической информации и духовных смыслов от поколения к поколению. Говоря о традиции и наследии, нельзя упускать из вида образ будущего, цель, чтобы правильно ставить задачи и выбирать смыслы, пути и средства. 10 деятелей культуры высказали свое мнение о современной культурной политике в беседах с Эдуардом Бояковым и Вероникой Пономарёвой. Эта книга –

своевременный и важный шаг к осмыслению текущего положения русской культуры и ее цивилизационных перспектив.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие. К беседам о культурном коде, смыслах и языках современной культуры	6
Разговор с Михаилом Пиотровским	11
Разговор с Дмитрием Ольшанским	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Эдуард Бояков, Вероника
Пономарёва-Коржевская
Русский код.
Беседы с героями
современной культуры**

© ООО ТД «Никея», 2022

© АНО Центр «Никея», 2022

* * *

Предисловие. К беседам о культурном коде, смыслах и языках современной культуры

Современная культура – один из тех терминов, которые понятны каждому, но при этом трактуются предельно многообразно.

Большинство людей сегодня видят себя полноценными участниками культурного процесса, осознают свою свободу в оценках современной культуры, но при этом затрудняются дать этому понятию однозначное определение. Каждый человек имеет в виду свое. Конечно, существуют группы, школы, страты, союзы, сообщества – носители собственной трактовки современной культуры. Но их так много, что это уже не пресловутая «мультикультурность», не мозаика, а некая предельная разобщенность аудиторий и мнений.

Тем не менее есть много факторов, которые говорят о том, что параллельно с разобщенностью и атомизацией формируется единое поле новой, глобальной культуры. Интернет и социальные сети играют в этих процессах определяющую роль, но осмыслить их нам пока трудно – слишком все близко по историческим меркам. Еще тридцать лет назад, до начала последнего этапа «визуализации» культуры, нам было несложно отделить художественный текст от нехудожествен-

ного: вот стихи, а вот инструкция к использованию бытовой техники. Сегодня же коммуникативный, символический, антропологический, эстетический аспекты условного буклета-инструкции к новой модели телефона могут быть намного убедительнее стихотворения, опубликованного в толстом литературном журнале. Особенно если этот буклет нарисован дизайнером, у которого, кроме основной работы, есть контракт с галереей современного искусства, а такое случается все чаще.

Одно неизменно: человек сегодня, как и тридцать, и триста лет назад, нуждается в эстетическом опыте – в символах, моделях, образах, сценариях событий, которые происходят с ним, с его телом и душой. Неизменно и то, что люди объединяются в процессе переживания этого опыта. Вырабатывают единый язык коммуникации и рефлексии. Не только на уровне локальных сообществ, но и на уровне народов, цивилизаций. Нам близки идеи Хантингтона¹, идеи деления человечества не только на политические или национальные субъекты, но и на цивилизации. Мы убеждены, что существует возможность говорить о русской культуре именно как о цивилизационном феномене. Поэтому в словосочетании «русский культурный код» слово «культурный» не обязательно. Если мы говорим о русском цивилизационном коде, то, есте-

¹ *Сэмюэль Филлипс Хантингтон* (1927–2008) – американский социальный философ, основоположник геополитической концепции «столкновения цивилизаций».

ственно, речь идет о культуре, о процессе символического обмена, о передаче эстетической информации от поколения к поколению. Но, говоря о традиции и наследии, нельзя не говорить о современной культуре, потому в ней, а не в археологии проявляется, живет, передается традиция.

Мы решили обратиться с вопросом про русский культурный код к героям современной культуры. Среди наших собеседников – руководитель крупнейшего национального музея и известный блогер, которого, возможно, знают не столько по фамилии, сколько по никнейму в социальной сети, но при этом его влияние соизмеримо с влиянием крупной институции. Всемирно известный кинорежиссер и культовый рокер. Православный священник, в чьих проповедях, обращенных к миллионам русских людей, часто слышны апелляции к поэзии, кинематографу, литературе, и режиссер-документалист, удостоенный главного приза Московского кинофестиваля. Выдающийся русский поэт и выдающийся собиратель народных песен. Мощнейший русский художник и яркий публицист, сочетающий в себе качества культуролога и организатора крупнейшего в стране фестиваля граффити.

Наш портрет современной русской культуры, конечно, неполный. Хотя бы потому, что это мужской портрет. Надеемся, не заставит себя ждать и женский взгляд на тему русского культурного кода. Мы отдаем себе отчет в том, что нашим списком русская культура не исчерпывается, есть немало других достойнейших фигур, но с каждым из этой десят-

ки нам было невероятно интересно беседовать, каждый дал нам очень многое.

Обозначая тему культурного кода предельно широко, мы шли от собеседника, максимально сохраняя стиль, форму и темы интервью. В послесловии мы попытались сделать общий обзор и позволили себе некоторые выводы. Оговоримся сразу: выводы предельно субъективные – у нас не было задачи найти среднее арифметическое или предложить жесткие формулы-концепты. Это и невозможно. Разговор о русской культуре, о русском коде, о культурном суверенитете только начинается в широком медийном поле.

Последние несколько десятилетий в стране культурной политики не было в принципе. А если и была, то исключительно заимствованная, колонизаторская. Сегодня ситуация немногим лучше. Один из наших собеседников, говоря о задачах и стратегиях культурной политики, убеждал нас, что для изучения советской гравюры нужен отдельный НИИ и десятки лет кропотливой работы над этой важнейшей темой. Да, это так. Без создания подобных проектов невозможно сохранить культурный и, шире, цивилизационный суверенитет. Да, простая экстраполяция показывает, сколько мощных, живых научных и творческих институций нам необходимо. Да, задача иногда кажется неподъемной. Но у нас нет другого пути. Нужно построить новую, суверенную культурную инфраструктуру. Опирающуюся на внятную культурную политику, на наши ценности, нашу историю, нашу тра-

дицию. Яркую, современную, конкурентоспособную в диалоге цивилизаций. Позволяющую сохранить и приумножить богатство русской культуры. Надеемся, наша книга поможет начать эту работу. И начинать, мы убеждены, надо с бесед на основные, корневые темы.

Хочется поблагодарить не только наших собеседников, но и тех, кто вдохновлял нас своим примером, помогал советами, делился идеями, редакторским и дружеским участием: Соломона Волкова, Екатерину Кретову, Марию Шатрову, Елену Яковлеву, Егора Скворцова.

Мы надеемся, что темы книги и наши собеседники будут интересны читателю так же, как и нам.

Эдуард Бояков

Вероника Пономарёва

Разговор с Михаилом Пиотровским

ЭДУАРД Бояков: Как вести разговор о культуре, чтобы не заикнуться на уровне музеев декоративно-прикладного искусства с прялками и самоварами? Предлагаю начать его в контексте великолепной Щукинской выставки в Эрмитаже – вспомнить ошеломление Матисса, приехавшего в Россию в 1911 году. Щукин старался показать гостю из Франции разные слои московской художественной жизни, но главным потрясением для Матисса стало знакомство с русской иконой². Впоследствии Анри Матисс часто упоминал имя Андрея Рублёва. Возможно, этот факт – хорошее начало для разговора о русском культурном коде. Существует ли он как феномен? И как правильнее назвать этот код – русский или российский? В свою очередь ответы на эти вопросы неизбежно выводят на разговор об империи. Вы как никто другой чувствуете эти мосты – не только потому, что вы директор самого европейского и самого «имперского» российского музея, но еще и потому, что занимались арабской культурой.

² «Я десять лет потратил на искание того, что ваши художники открыли еще в XIV веке. Не вам надо ездить учиться к нам, а нам надо учиться у вас», – так пересказывал Сергей Щукин слова Матисса. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

МИХАИЛ Пиотровский: Конечно, культурный код существует. Но уловить его очень трудно: он, как и всякие коды, со временем меняется. Сегодня он один, завтра другой.

А замечательное чередование, которое вы подметили, – русский/российский – постоянное. Оптимальный выбор эпитета отражает текучесть изменений и нашу зависимость от времени. Мы знаем по привычным языковым формулам, что у нас «Российская империя», но при этом «русский дворянин». Сейчас мы, кстати, уже не всегда ощущаем, когда надо говорить «русский», а когда «российский». Интересно, что в недавней истории, когда у нас все было советское, в мире советское называли «русским». Но когда СССР рухнул, за рубежом вдруг начали говорить «советский» вместо «русский».

Думаю, эти изменения закономерны. Нам только надо уметь этим гибко оперировать. И мы оперируем.

Вместе с изменениями культурного кода, которые происходят с течением времени, узкорусское переходит в российское. Конечно, слово «Россия» относится и к империи и сочетается с ней, ведь империя должна всё и всех объединять. С этой точки зрения важна история с Ордой и взаимоотношение татарско-монгольского и русского...

ЭБ: Захватила нас Орда или мы ее захватили? Были мы периферией Орды или не были? Это и для нашего времени важный вопрос.

МП: Очень важный. И важно его гибко понимать. Пото-

му что Орда тоже была частью огромного мира – империи, в которую входили мелкие государства. В то время и Восточная Европа находилась на его периферии.

Отношения Руси и Орды – это отношения внутри большого мира, который надавил, но не задавил. И не особо мешал развиваться. Собственно, русское государство и возникло в сложных отношениях с Ордой. Они были и даннические, и интрижные, и военные, и гражданские. Но Русскую Церковь в Орде уважали больше, чем русских князей.

ЭБ: Фигура Александра Невского в этом отношении знаковая: и святой, и военачальник, и тонкий политик. Можно ли связать с его личностью такое острое и непростое понятие, как «евразийство»?

МП: Думаю, можно. И не только с Александром Невским, но и со всем тогдашним правящим классом.

Что касается иконы, мы воспринимаем ее как наше главное наследие. Но давайте обратим внимание на то, что икону, которую Щукин показывал Матиссу, широкая русская публика увидела лишь за несколько десятилетий до этого.

ЭБ: Да, старообрядцы собирали иконы тайно. И только в 1905 году, после известного указа о веротерпимости, она стала «легальной». И почти сразу остромодной. Как я понимаю, Щукин как раз показывал Матиссу нечто остромодное.

В переписке Щукина с Матиссом, когда он зазывал его в Москву, есть интересная фраза: «Я тебе покажу, что это Азия». То есть ты живешь в Европе, а в Москве увидишь на-

стоящую Азию. Получается, этой обещанной Азией был Рублёв! Матисс увидел Рублёва не только в собрании Третьяковки, но и у увлеченного иконой Остроухова³. Остроухов возил Матисса на кладбище за Рогожской заставой, в сохранившуюся до наших дней церковь – к тем, кто только-только начал доставать из потрясающих запасников старые иконы. Удивительно и то, что в это же время начал формироваться московский модерн, над которым смеялись петербургские аристократы. Сейчас это достопримечательность столицы, самые любимые московские особняки, а тогда это была такая старообрядческая метка.

Разговор о русском и российском невозможен без обсуждения темы старообрядцев. Щукин, Станиславский, Третьяков и Морозов были из старообрядческой среды.

Но здесь возникает развилка. Вот европейский авангард, который был тогда слишком авангардным даже для Парижа, а вот наша архаика. У философа Дугина⁴ есть любимое понятие «археомодерн», и это соединение иллюстрирует суть европейско-азиатской культуры.

³ *Илья Семенович Остроухов* (1858–1929) – русский художник-пейзажист, коллекционер живописи и древнерусских икон, мастер атрибуции картин. Член Товарищества передвижных художественных выставок, Союза русских художников, академик Петербургской академии художеств. Друг П. М. Третьякова, один из руководителей Третьяковской галереи.

⁴ *Александр Гельевич Дугин* (род. 1962) – российский философ, политолог, социолог, переводчик и общественный деятель. Кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук. Профессор, основатель идейного течения «неоевразийство».

МП: Иконы как великое художественное явление открылись миру, когда старообрядцы их вынули и стали чистить. Тогда они из икон превратились в искусство. Оказалось, что это искусство.

Матиссу показывали не сакральные или ритуальные предметы, а «новое искусство». И вот почему спор «где должно находиться иконе – в музее или в церкви?», который сейчас у нас идет, порой приобретает очень острые черты. Эта дискуссия началась не сейчас, а в тот момент, когда иконы стали осознаваться как культурное достояние, влиять на художественное сознание и созерцание вообще всех русских людей.

Любопытен и тот факт, что Щукин, подсунув Матиссу русскую икону, отвратил его от персидской миниатюры. «Семейный портрет» – это абсолютно персидская миниатюра. Матисс – художник, воспринявший прямое восточное влияние: он сознательно любил исламское искусство.

Существуют важные отличия между христианским и мусульманским средневековым искусством. И христианство, и ислам учат одному и тому же – как подготовиться к концу света и спастись. Для этого нужно себя хорошо вести. Но христианское средневековое искусство делает упор на том, что, если будешь вести себя плохо, попадешь в ад. А в мусульманском искусстве акцент делается на том, что хорошее поведение приведет в рай. Рай нельзя описать, но его отголоски приходят к нам через искусство, которое рассказывает о нем своими абстрактными изображениями.

В XX веке было два великих художника: Пикассо и Матисс. За Пикассо – хорошая испанская, европейская традиция ужаса и страсти, разрывающей все вокруг. А у Матисса – и это начинается с его большой картины *Le bonheur de vivre*, «Радости жизни», в уголке которой есть зарождающийся «Танец», – все про радость. Он почти весь про радость жизни. Это проповедь оптимизмом и красотой.

ЭБ: Можно ли сказать, что не только про радость, но и про цельность? Благодаря его творчеству появляется возможность разобрать на кубики некие страшные эмоции, свойственные европейской традиции страстей, кубизм как деконструкцию. Матисс – это цельное пространство, созданное при помощи цвета и общей композиции. Рай – это место, где тебя не раздрает. И у Матисса ощущение этой райской цельности, безусловно, присутствует.

МП: Матисс считал, что нужно отказаться от обилия деталей. Поэтому у него чем дальше, тем больше преобладают цветовые плоскости. И они говорят красноречивее, чем тщательно прорисованные детали.

Ну а русская икона таким образом вошла в контекст мирового искусства и дальше занимала разные его ниши.

ЭБ: Какие позиции, на ваш взгляд, у России сейчас? История искусства XX века заявлена в великих русских именах. Если говорить не только об изобразительном искусстве, но и о театре, то в мировом масштабе определяющими являются фигуры Станиславского и Мейерхольда – они задали

вектор в методе, в теории и практике. В теории кино это Сергей Эйзенштейн, Лев Кулешов. В музыке после Чайковского и Римского-Корсакова – Стравинский, Рахманинов, Прокофьев, Шостакович, то есть почти вся мировая музыка двадцатого столетия. А литература Серебряного века...

Почему сегодня мы живем в ситуации, когда у нас нет ни одного писателя, по величине сопоставимого со Львом Толстым или с тем же Набоковым? Пожалуй, последним из русских литераторов, владевшим западными умами, был Бродский, о котором можно говорить и как об абсолютном западнике, и как о русском имперском патриоте. Где теперь российское влияние на мировую культуру?

В книге протоиерея Георгия Ореханова о Льве Толстом⁵ рассказывается, как была устроена медийная кампания по продвижению только что изданного романа «Воскресение». Роман публикуется одновременно в Лондоне, Париже, Москве и Берлине. Возникает невероятная пробка в центре Лондона, потому что в первый день книга продается только в одном магазине. Сегодня – даже если не иметь в виду 2022 год и политику санкций, а говорить о прошлом десятилетии – русских писателей нет в первой десятке литераторов мира. И в первой двадцатке. И современных русских художников тоже нет. И русских композиторов.

Это свидетельствует о том, что мы отделяемся от колони-

⁵ Протоиерей Георгий Ореханов. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М., 2016.

альной зависимости, навязанной нам в 1990-е годы, и после мюнхенской речи президента Путина (2007) начинаем возвращаться к себе? Сосредотачиваемся в том числе и в культурном отношении? Или, наоборот, провинциализируемся, теряем себя, перестаем существовать как современная культура?

МП: Безусловно, мы сосредотачиваемся – это наша основная современная функция. При этом опасность провинциализации тоже нужно иметь в виду. Но провинциализация – это, может, и неплохо. Для нас сейчас самое главное – внимательно смотреть за каждым движением внутри и снаружи. Оценивать, что и как происходит.

Я люблю говорить, что культура – наше конкурентное преимущество. В последнее время мы довольно широко представлены в мире. И кино наше великолепно – Сокуров, Герман. И музейная жизнь. Многие обиделись на мои военные термины, когда я говорил о большом музейном наступлении, а это действительно было наступление. Двадцать лет по всему миру шли громадные выставки Эрмитажа. И они были не только про то, что у нас хранится, но и про русское восприятие мировой культуры.

Двадцать лет культурного наступления – это факт. Конечно, не бывает так, чтобы сразу появились Толстой, Достоевский. И каждые двадцать лет – следующие Толстые и Достоевские. Сейчас трудно говорить, какие имена войдут в учебники. Но, например, из художников это Илья Кабаков – фи-

гура мирового уровня. Он не просто русский из России – он построил свое творчество на советской культуре, в которой жил, сделав из нее искусство. Грубо говоря, без России он бы не существовал, не мог бы быть. У нас есть очень сильные творцы – впоследствии это еще прояснится. Что касается владения умами, то это неразрешимая задача для творцов всего мира. Умами владеют газеты и интернет.

ЭБ: Трудно представить, что Моцарт не знал и не слышал Баха. А сейчас все разомкнуто, будто мы существуем в особенном хронологическом раскладе.

МП: За происходящими в наше время процессами интересно наблюдать, видеть, как нечто разрозненное складывается в необыкновенную общую картину – такую, которой можно гордиться, даже если в ней нет одной-двух великих фигур, портреты которых все должны повесить у себя на стену и в России, и в Париже, и в Лондоне. Мир усложнился, и нам нужно стараться любоваться его разнообразием. В том, что нет полных авторитетов, тоже есть своя прелесть.

Надо стараться культивировать сложность мира и получать от этого удовольствие. В музеях мы можем много рассказывать об истории, не делая ее при этом основой для войн памяти. Возьмем ту же Орду. Можно говорить «татаро-монгольское иго», а можно «русско-монгольское культурное взаимодействие в условиях вооруженной борьбы». И вот здесь легко разделить историю на национальные музеи, национальные культуры и сказать: «Это хорошо, а это плохо,

а эти вообще мерзавцы, и думать о них не хотим». Но важнее диалог культур. И он на самом деле – особенность империи. Империя, в отличие от национального государства, наслаждается разнообразием, которое в ней есть. Вспомним, как Римская империя пестовала восточные культуры.

Екатерина II путешествовала по России и наслаждалась ее разнообразием. Она не занималась русификацией. Напротив, русификация, начатая Александром III, привела к возникновению многих сложностей.

У нас есть разные аспекты культуры и истории, но очень важно, чтобы это все не превращалось в войны памяти. Крайне легко начать сводить счеты: кто перед кем и как виноват. Это могут делать историки, политики, публицисты. Такое часто бывает, так было перед Первой мировой войной. Но в сфере фундаментального искусства все-таки надо стараться искать и строить диалоги.

ЭБ: Не только в Римской империи, но и значительно позже – допустим, в Англии XIX века – люди наслаждались колониальными богатствами и многое перенимали у носителей иных культур, вроде культуры чая и заканчивая очевидным влиянием, которое уже тогда начала оказывать индийская культура на английскую. Чтобы вбирать в себя нечто новое, непривычное, нужно быть духовно сильными, верно?

МП: Да, это так. Нужно самим быть сильными. Нужно ощущать себя сильными. Равными. Добиваться уважения соперников. Что главное в знаменитой кипплинговской запове-

ди «Запад есть Запад, Восток есть Восток»⁶? «Сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает». Вот это равенство. Наша национальная культура для нас самая лучшая на свете. Но все остальные нации тоже так думают о своей культуре.

ЭБ: Меня впечатлили ваши рассуждения о том, что Россия имеет уникальный опыт общения с исламом. Я родился в исламском регионе, в Дагестане, где в советское время сложилось гармоничное соседство: евреи, аварцы, лакцы, кумыки, русские, казаки, украинцы – это такое богатство, «цветущая сложность», о которой любил говорить мой любимый русский философ Константин Леонтьев. Но сейчас ислам часто связывают с проявлениями предельной агрессивности. А ведь он крайне разнообразен. Есть ислам шиитский, индоевропейский. Не тюркский, а именно индоевропейский. Имперский, если говорить об Иране. Есть невероятный ислам в Индии. Есть арабский мир, где легко отыщется множество не только конфликтов и войн, но и примеров сожительств разнообразных обществ и государств. Вам как специалисту по этим культурам известны какие-то рецепты, как можно ужиться, основываясь на опыте культурного взаимодействия? Это особенно важно в ситуации, когда Россия начинает сосредотачиваться и пробовать определить свое место в новом пространстве.

МП: Рецепты есть, но они прочитываются в прошлом –

⁶ Р. Киплинг. «Баллада о Западе и Востоке».

иногда их трудно применить в наши дни. Сейчас происходят удивительнейшие процессы: в новых реалиях формируется иной ислам, сочетающий опыт Европы и мусульманского мира. И что интересно, в какой-то мере он продолжает традиции российского ислама – джадидизма, обновленчества, которое было в России в начале прошлого столетия. Поначалу оно поддерживалось революцией, но потом было угроблено ею же совсем.

Существует и собственно русский рецепт, хотя его описать достаточно трудно. Но это рецепт именно уважительного сосуществования с традиционной религией. Вообще, в России получилась цельная, хорошо работающая система. У нас было громадное количество государственных документов, правил и уложений, определяющих, как в разных частях России должно существовать исламу и жить людям, его исповедующим.

Петр Великий начал всех радикально обращать в Православие – получилось плохо, начались восстания. А мудрая Екатерина создала духовное управление, с помощью которого был достигнут определенный консенсус, исходящий из того, что мусульмане находятся на своей территории, где они традиционно всегда жили.

У нас не существовало колониального захвата в европейском понимании. Российская колонизация кардинально отличается от западной. Разница между Петром и Екатериной показывает, как гибко реагировала на изменения наша си-

стема.

После революции все строилось совсем по-другому, на классовых принципах. Но до того было вполне благополучное устройство, в результате которого российские мусульмане не представляли никаких внутренних опасностей для империи.

У нас действительно есть традиция особенного отношения к мусульманам, воплотившаяся в отечественном востоковедении, вобравшем кроме политической и проповеднической частей замечательную академическую часть. Такого не было на Западе. Там легче прослеживается прямая связь с колониальными и политическими задачами, с наглядной конъюнктурой. А у нас очень много такого, что не имело отношения к конъюнктуре. Замечательные статьи наших великих востоковедов Розена⁷ и Бартольда⁸, в которых они критиковали миссионерское востоковедение за недостаточную академичность и недостаточное уважение к предмету, – это наследие, которого нет почти ни у кого. И когда слово «ориенталист» вдруг становится на Западе ругательным, я гово-

⁷ *Виктор Романович Розен* (1849–1908) – востоковед-арабист, академик Петербургской академии наук, вице-президент АН, профессор арабской словесности в Санкт-Петербургском университете, почетный член Императорского православного палестинского общества.

⁸ *Василий Владимирович Бартольд* (1869–1930) – историк, востоковед-медиевист, исламовед, архивист, филолог; один из основателей российской школы востоковедения. Академик Санкт-Петербургской академии наук, член Императорского православного палестинского общества.

рю: «Я – российский ориенталист, а к нам ваши ругательства совершенно не подходят, потому что у нас другие традиции». Ислам – нормальная религия единобожия, мирная, положительная. Но использовать его можно для чего угодно. Точно так же, как и любой другой религией можно прикрывать чуждые ей вещи. И даже почти все религиозные войны на самом деле не религиозные. В частности, в войнах шиитских и суннитских государств религиозная подоплека гораздо меньше, чем в протестантско-католических войнах в Европе. Так что тут подходит известный марксистский тезис о том, что религия может быть использована для разных политических и классовых целей и задач.

ЭБ: Может ли пригодиться современной российской культуре опыт мусульманских стран? Мы столько слышали о том, что Иран – тоталитарное государство с множеством запретов, а потом вдруг обнаружилось, что там современные архитектура, кино, литература. А еще это, оказывается, невероятно богатое государство, одна из ведущих нанотехнологических держав. Там чипы делают. И дроны.

МП: О нас тоже всегда говорили и говорят, что мы тоталитарное государство. И только когда западные люди в личном порядке открывают для себя Россию, они восторгаются: «Ах, какая она удивительная!»

В связи с известными обстоятельствами Запад для нас закрыт – самое время обратить внимание на Восток. На тот же Иран. На красоту искусства. На их развитость. На то, что

такое шиизм на самом деле. Шиизм ближе к христианству, чем другой ислам, поскольку он допускает связь между Богом и человеком при посредничестве духовенства – имамов. В другом исламе, суннитском, есть Бог, есть люди, а посередине один пророк – и всё, больше никаких контактов. Нет аятоллы. Духовенства нет.

С другой стороны, ислам и Иран – это большой опыт жизни под санкциями.

ЭБ: А эстетические санкции? В исламе запрещена фигуративная живопись, и об этом тоже, наверное, можно подумать.

МП: Не только подумать – об этом надо говорить. Но тут стоит изменить формулировку: это не запрет фигуративной живописи, а иконоборчество. То же самое, что было в Византии, в иудаизме, в протестантстве. То же, что было в христианстве по отношению к греческой культуре, к культуре Античности. Это иконоборчество, вызванное страхом сотворить себе кумира.

Соответственно, рождается абстрактное искусство, которое рассказывает о рае, не рисуя Адама и Еву, а изображая замечательные райские кущи, цветы, виноградные лозы, удивительные геометрические узоры, которые уходят куда-то вдаль – в процессе созерцания ты понимаешь, что такое Абсолют.

Это наследие тоже интересно и важно. Не только на Востоке, но и у нас есть каллиграфические, абстрактные ху-

дожники, которые явно находятся под влиянием мусульманских каллиграфических традиций. А еще у нас есть опыт развития советских ученых-исламистов в мусульманских республиках. Это использование национальных традиций в несколько европеизированном варианте. Сейчас, в ретроспективе, можно детально рассмотреть, какие там возникли синтезы и как выстраивалось свое, особенное. Это можно видеть и в Казахстане, и на Кавказе. И Дагестан ваш, конечно, замечательный: столько народов и языков – просто чудо.

ЭБ: И невероятного уровня ремесла, которые уже даже и язык не поворачивается назвать ремеслами, потому что это настоящее искусство.

МП: Это действительно искусство. Искусство тоже отчасти ремесло, ну а дальше уже вдохновение. Оно не обязательно должно быть фигуративным. Оно может быть абстрактным, и вот вам, пожалуйста, вещи, которые держишь в руках. Не обязательно на стенах писать что-то.

ЭБ: Вы прекрасно знаете коллекцию Нукусского музея⁹, где представлено удивительное сочетание авангардных европеизированных художников, которые часто бежали на Восток, в том числе и в советскую Азию, подальше от центра. Помните у Бродского: «Если выпало в империи родиться,

⁹ Государственный музей искусств им. И. В. Савицкого (Каракалпакский государственный музей искусств, Нукусский художественный музей), расположен в г. Нукусе, на северо-западе Узбекистана; обладает второй по величине в мире коллекцией произведений авангарда.

лучше жить в глухой провинции у моря». Переезд творческих людей был связан и с эвакуацией во время войны: Ташкент принял сотни ученых и творцов – к примеру, Анну Ахматову. Художник Рустам Хамдамов¹⁰ поделился детскими впечатлениями о Ташкентском оперном театре: он работал по традициям советской, а по сути европейской, школы, но при этом там возникали фигуры Востока. Любимая певица Рустама Зара Долуханова¹¹ – пример европейских тенденций. В этом примере интересного культурного пространства мы можем многое для себя найти.

МП: Все исторические трагедии и перипетии имели культурные последствия. Они помогали перемешиванию культур, способствовали их развитию. Что, например, принесли декабристы в Сибирь? Культурный рост Сибири. Нукус – страна степей, действительно то место, где яркое искусство воспринималось правильно. Авангард там на месте. Так же как Хлебников на месте именно в этих степях.

Что нужно делать с традицией? Просто чаще про нее вспоминать, рассказывать о ней и находить в этом удовольствие, интерес, а не только какие-то политические или экономические объяснения. Тогда сместятся акценты. И люди будут

¹⁰ *Рустам Усманович Хамдамов* (род. в 1944) – кинорежиссер, сценарист, художник; окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (1969; мастерская Григория Чухрая).

¹¹ *Зара Александровна Долуханова* (1918–2007) – армянская и российская певица (колоратурное меццо-сопрано); с большим успехом выступала в крупнейших музыкальных центрах мира.

вынуждены повернуться и посмотреть туда, куда раньше не смотрели.

ЭБ: Вспоминая о дагестанских ремеслах, я наталкиваюсь на свои детские впечатления и об обрядах. Обряд имеет невероятную эстетическую ценность. Он заряжен символически и семиотически, нарративно насыщен формами, которые потом художники переводят в живопись, а режиссеры – на пленку или цифру. Это ощущение символической, мистериальной, базовой силы на Востоке, в мусульманском регионе, очень важно. Оказаться на дагестанской свадьбе или на похоронах, увидеть зикр¹²... Когда бородатые, патриархально выглядящие старики кружатся в танце с дикой скоростью... Здесь мы опять, как через того же Матисса, можем нырнуть в архаический, доевропейский слой. Ведь и до изобретения нотного стана существовала музыка – он появился всего четыреста лет назад. И насколько эта музыка, если говорить, например, про русский знаменный распев, про крюковую нотацию, была сильна! Какие там были корни! И как мы их сейчас теряем! Сегодня мы много говорили о наших соседях, но как искать и где найти главное внутри нас? В чем заключается наш код? Каковы его качества?

МП: Их надо искать постоянно – это соответствует нашему культурному коду. Нам трудно даются дискуссии

¹² *Зикр* – исламская религиозная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога. Танец дервишей – разновидность зикра.

неозлобленные и вне борьбы принципов. Поэтому нужно искать и наблюдать. Разглядывать ритуал, изучать его связи с мистерией. Это можно применить и к разговору о русской культуре, об искусстве, музыке, иконе как ритуале и как живописи.

ЭБ: А о природе? Об уникальном, невероятном чувствовании природных циклов? Это свойственно русскому человеку.

МП: Конечно. И это тоже переходит в ритуал. Русский человек на севере и русский человек на юге – это разные люди. У нас в Эрмитаже готовится большая выставка поморских икон. Это совсем другое явление по сравнению с иконами старообрядцев – тут особая форма.

Ничто не дается нам готовым. Свою историю мы тоже должны изучать, смотреть, разбирать, каждый раз обнаруживая что-то новое.

Роман «Война и мир» можно читать в разном возрасте, и он будет совершенно по-разному восприниматься. Через двадцать лет обязательно нужно перечитывать.

ЭБ: В том пути, что вы обозначили: природа – ритуал – культура, язык, – я слышу возможность особенной русской миссии. Все-таки у нас больше пространства, открытой земли и возможностей вырваться из урбанистической зашоренности. Мы опять приходим к русскому максимализму и космизму.

МП: Важно не только то, что у нас огромные простран-

ства, но еще и то, что у нас нет границ. Нас ничто не ограничивает, и часто нам невозможно ни на что опереться. На Памире, где я бывал много раз, каждая долина отделена. И поэтому в каждой долине свой язык. Там нет непреодолимых границ, все перевалы можно преодолеть. Но у тебя есть кусочек пространства, и ты на нем живешь. А у нас некуда опереться, и поэтому ты должен жить и понимать широко.

ЭБ: Безграничность? Если говорить про русское движение в бесконечную тайгу, в сторону Чукотки, за полярный круг, в устье Оби или даже на Соловки, то, конечно, какая граница? Граница очень естественная. Граница – это то, куда ты дошел.

МП: Это вынужденная безграничность. Когда нет границ, приходится постоянно идти. Только придумай, как считать километры, которые проходишь.

Очень важно, что вы сказали про космизм. То, что мы недостаточно подарили миру и мир еще недостаточно воспринял, – это философия и искусство русского космизма.

ЭБ: Да, наш Серебряный век имеет еще и это измерение. В нем корень и этой линии.

МП: Да, поскольку это дало и космонавтику, и космизм, и философию...

ЭБ: Чижевского, Циолковского. Даже Андрея Платонова, мне кажется. И художников... Филонова и многих еще.

МП: Абсолютно точно. Я все время похваляюсь тем, что у нашего музейного дела есть величайший трактат, какого нет

ни у кого в мире. В нем философ Николай Федоров¹³ объясняет, зачем нужны музеи: они – материальная основа для того, чтобы воскреснуть. Чтобы воскресить отцов. Трактат совершенно замечательный. Он написан специально о музеях. Не очень большой, но его действительно можно, как священную книгу, читать на лекциях и комментировать.

ЭБ: Получается, с одной стороны, космическая, а с другой – музейная антропология. Музей, как никакая другая институция, дает возможность ощутить себя в абсолютно беспредельном океане времени.

МП: И вот он, смысл существования – память.

ЭБ: Возвращаемся к Бродскому: «Ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии». Спасибо большое за этот потрясающий и очень важный разговор.

¹³ *Николай Федорович Федоров* (1829–1903) – православный философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма; выступал за радикальное продление жизни, физическое бессмертие и даже воскрешение мертвых, используя научные методы.

Разговор с Дмитрием Ольшанским

ЭДУАРД Бояков: Дмитрий, предлагаю обсудить тему предельно широкую. Русский культурный код. Где он? В чем он? Нужен ли он? Существует ли он?

ДМИТРИЙ Ольшанский: Я думаю, нужен или не нужен – обсуждать бессмысленно, потому что он с нами в любом случае. А еще я думаю, что есть важные слова, которые могут помочь нам понять его. Например, слова «выживание» и «сверхусилие». Потому что у нас есть огромное пространство, которое не защищено от соседей морями, горами, очень опасное. С тяжелым климатом и трудным земледелием, что предполагает постоянную борьбу – и со стихией, и постоянными нашествиями соседей с юга. И русская цивилизация создавалась в этой постоянной борьбе, в этом усилии и даже сверхусилии, на том месте и в тех условиях, в которых в общем-то нельзя выжить. И тем не менее она выжила, научилась с этим справляться. А с другой стороны, этим же обусловлены наши постоянные трагедии, страдания. Здесь постоянно требуются большие жертвы. Но они все равно приносятся. Мы не можем позволить себе жизни тихой, равномерной, уютной, урегулированной. Такой жизни, которая в Германии называлась «гемютлихом», а в Скандинавии называется «хюгге». Этой прекрасной спокойной жизни. Мы все время балансируем на грани какой-то катастрофы, учим-

ся с ней жить, учимся ее побеждать.

Здесь и государственная власть живет в очень быстром, лихорадочном режиме борьбы. Вот посмотрите: сколько разных даже не политических режимов, а разных типов жизни пережили люди, которым сейчас 40–50 лет! Они словно бы побывали как минимум в трех разных мирах.

ЭБ: Несравнимо с европейцами, которые рождаются и умирают в одном и том же мире. У них только сейчас первая перестрочка, похоже, намечается.

ДО: После мировых войн первая, да. Почти за сто лет. А в России люди от моего поколения и старше побывали минимум в трех совершенно разных мирах. И это умение постоянно выживать и даже где-то побеждать и определяет нас, как мне кажется. Такая ситуация имеет и обратную сторону: мы, то и дело прорываясь, спасаясь и побеждая, постоянно что-то сжигаем.

ЭБ: Да, тоже думаю об этом. Сжигаем и в переносном, и в прямом смысле. Мы же долгое время были цивилизацией дерева. Сколько на русской земле было построено деревянных шедевров – взять хотя бы Кижи. Или храм Покрова-на-Нерли – я недавно увидел графическую реконструкцию: он был опоясан деревянной галереей-папертью, которая спускалась к речке. То есть каменный храм через дерево соединялся с землей и водой. Я привожу это просто как пример мысли: сколько утеряно, да?

ДО: Да, да, да. Деревянная цивилизация, которая, с одной

стороны, быстро создается и быстро восстанавливается, способна себя регенерировать. В ней есть особое тепло и особые отношения человека с этим материалом. А с другой стороны, это цивилизация хрупкая, которая все время горит и все время исчезает, в отличие от средневекового европейского камня. Деревянная цивилизация – это очень правильная метафора для мира, в котором мы живем. Она как феникс – проходит то через сожжение кем-то, то через самосожжение, потом опять возрождается. Все это вызывает двойственные эмоции: с одной стороны, можно этим гордиться, любоваться, а с другой стороны, можно ужаснуться и воскликнуть: «Господи, ну почему? За что? Хоть бы нам дали передышку и возможность спокойно что-то наследовать и передавать».

В юные годы я начал интересоваться историей и мыслил какими-то большими событиями: революция, Гражданская война, мировая война. А с недавних пор я стал мыслить ощущением вещей. Иду по улице и вижу сохранившиеся дома разного времени: здесь сталинский дом, здесь ампириная усадьба, здесь модерн. И начинаю представлять себе, что все это миры каких-то людей, интерьеров, которые совершенно исчезли. И понимаю, что наша история – это постоянное выметание целых пластов исчезнувшей частной жизни. Этого совершенно нет на Западе, потому что там видишь очень плотный сохранившийся мир вещей. Последовательность. Преемственность. У нас этого нет, мы дышим с волнением на любую вещицу, которая нам досталась от кого-то

из предков. Это трагическая сторона того же самого, как вы сказали, культурного кода.

ЭБ: Россия – это экстрим. Я помню, как Борис Березовский, когда учреждал в 1991 году премию «Триумф», говорил: «Россия – цивилизация экстрима». И сам стал жертвой этого экстрима. И вообще, герои девяностых – они почти все плохо кончили. А с другой стороны, как следствие экстремальности – удивительная адаптивность, невероятная выживаемость. И эта выживаемость может интересно проявиться в толерантности русской культуры, в способности принимать, например, французский балет так, что он очень быстро становится русским. Помню, мы с ныне покойной Леной Греминой¹⁴ привозили в Россию Лиз Доджсон¹⁵, завлита культового Лондонского Королевского театра – Royal Court, – совершившего революцию в театре Европы, принесшего новую драматургию на Восток. К тому времени Royal Court получил главную европейскую премию за новую театральную реальность. Доджсон с коллегами проводила семинар по документальному театру, мы первые привезли его в Россию. Отношение у них было такое, словно приехали к

¹⁴ Елена Анатольевна Гремина (1956–2018) – писательница и драматург, одна из основательниц документального театра Театр. док.

¹⁵ Элиза Доджсон (1945–2018) – английский театральный продюсер. В 1996 году она стала одним из основателей Международного отдела Королевского театра и руководила им более 20 лет; развивала партнерские отношения, проводила семинары более чем в 70 странах Европы, Ближнего Востока, Центральной и Южной Америки, Нигерии, Южной Африки, а также в Индии и Китае.

туземцам и сейчас всех нас научат. Она говорила, что это шестидесятая по счету страна, где они проводят семинар по документальному театру. Через год она снова приезжает и изумленно заявляет: «Ребята, я не понимаю! Ну, очевидно совершенно, что русский проект – это самый главный, самый крутой, самый творчески состоятельный проект во всех моих семинарах. Но дело-то в том, что вы все сделали по-другому, не так, как я учила! Вы взяли мою технологию, а потом все разрушили. Я не понимаю, как это работает. Теперь вы должны мне сделать семинар, что такое этот документальный театр, потому что вы все перевернули». Может быть, эта невероятная творческая экстремальная адаптивность и есть наш код?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.